

ББК 63.3 (5 Каз)
Р 88

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

М. К. Койгелдиев (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
**С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков**

Составление, транскрипция,
вступительная статья, комментарии
И. В. Ерофеевой

Научный редактор
Р. К. Нурмагамбетова

Р 0503000000
00(05)-06

ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 9965-699-86-0-(Т. 2)

© Ерофеева И. В., составитель,
транскрипция, вступительная статья,
комментарии, 2005
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2005

Сведения о казахском народе и Казахстане в российских летописных и дипломатических источниках XVII — первой трети XVIII века

Изучение жизни тюркоязычных народов Евразии имеет в России давнюю историческую традицию. Она возникла и развивалась в тесной взаимосвязи с миграционными, этническими и геополитическими процессами на континенте, которые сыграли важную роль в формировании средневековых культурных общностей Восточной Европы и Центральной Азии и их политического синтеза.

Причерноморье и южнорусские степи стали ареной столкновения оседлых и кочевых племен примерно с XV в. до н. э. Вслед за гуннским нашествием с востока на запад проследовали по этой территории один за другим многочисленные объединения кочевников: в VI в. — авары и болгары, в VII в. — хазары, в IX в. — угры и печенеги, в начале XI в. — торки и половцы (кипчаки), во второй четверти XIII в. — татаро-монголы. Отсутствие достаточного минимума репрезентативных письменных источников по древним эпохам истории восточных славян побуждает с большой осторожностью относиться к любым гипотезам об их взаимосвязях с гуннами, тюрками, болгарами и хазарами. Логически допуская, что массовые вторжения перечисленных народов не прошли бесследно для оседлых культурных сообществ Восточной Европы, можно, по-видимому, вести отчет взаимодействия племенных союзов восточных славян с миром тюркоязычных кочевников не ранее середины I тысячелетия н. э., хотя для такой хронологии и нет сколько-нибудь солидного документального материала. Именно в этот период анты-русь, по утверждению авторитетного специалиста по истории Киевской Руси Б. Д. Грекова, входят в непосредственное общение с народами Востока и завязывают с ними постоянное общение [1].

Приблизительно с XI в. исторические знания и представления восточных славян о тюркоязычных народах внутриконтинентальной Евразии стали фиксироваться в памятниках древнерусской письменности. Характерно, что период утверждения письменной культуры в Киевской Руси совпал с принятием ею христианства. Отсюда историческое летописание — основной жанр древнерусской письменности XI—XVII вв. — в синкретизированном виде впитало в себя наряду с архетипами мифологического сознания, унаследованного от прошлых эпох, традиции христианско-теологического мышления.

К несомненным достижениям христианской мировоззренческой парадигмы по сравнению с архаичной языческой картиной мира дописьменного периода российской истории следует отнести: 1) понимание исторического времени как поступательного, линейного и необратимого развития (от сотворения мира к Ветхому завету, а от него — к Новому завету); 2) расширение географического кругозора средневековых людей, выразившегося в теории преемственности четырех мировых монархий (Вавилонского, Персидского, Греко-Македонского царств и Римской империи); 3) большой интерес к происхождению различных народов и государств. Последнее обстоятельство имело особо важное значение для развития историко-этнографических знаний.

Одним из наиболее ранних памятников древнерусской письменности, отразивших представления восточных славян об их ближайших кочевых соседях, является «Повесть временных лет» (XI в.). В ней изложена на основе византийской хроники Георгия Амартола («мниха Георгия») и доведена до середины XI в. история расселения народов после вавилонского столпотворения, и дана картина их географического размещения. В соответствии с библейской версией происхождения человечества автор летописи рассматривал славян как равноправных с греками и римлянами потомков «Иафета, сына Ноя». В отличие от христианских народов языческие и мусульманские племена печенегов, торков и половцев были отнесены им к «Безбожным сынам Измаиловым (сына Авраама и его рабыни Агари), посланным в наказание христианам». В контексте данной этногеографической картины мира Нестор упоминает водный путь по Волге в Азию, в «удел Сима» [2], под которым, как можно видеть из содержания памятника, понимались Южный Урал, Сибирь, Казахстан, Средняя Азия и другие восточные страны.

Наряду со сведениями исторического характера «Повесть временных лет» содержит также интересную информацию об отдельных сторонах культуры и древних обычаях кипчакских кочевых племен. При этом автор, оперируя универсалиями мифологического мировоззрения, характеризует кипчаков-половцев методом бинарных оппозиций («мы — они») и уже во вводной недатированной части летописи резко противопоставляет «правоверных» русских людей «поганым» кочевникам-степнякам. Последние, отмечает он, сохраняют обычай кровной мести («закон держат отец своего: кровь проливати и хвалящиеся о сих»), употребляют специфические продукты питания («ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы»), соблюдают обычай левирата («понимают мачехи своя и ятрови и ины обычая отец своих творят») [3]. Из содержания летописи видно, что представители образованных слоев Древней Руси имели для своего времени относительно широкий этнографический кругозор и вполне отчетливо представляли характерные особенности культуры сопредельных тюркоязычных народов. Кочевые племена, сыгравшие важную роль в этногенезе казахского народа, несомненно хорошо были известны Нестору, поэтому можно согласиться с мнением известного русского ориенталиста П. С. Савельева, что «Повесть временных лет» должна быть причислена к древнейшим источникам для этнографии тюркских народов, уроженцев Средней Азии» [4].

Новый пласт историко-этнографических знаний и представлений о кочевых народах Евразии возникает в познавательной культуре Древней Руси в золотоордынский период ее истории и эпоху господства Большой орды (вторая треть XIII — середина XV в.). В результате совершенных Чингиз-ханом и его преемником Бату-ханом завоеваний русские князья были поставлены на нижнюю ступень социальной иерархии по отношению к монгольским ханам и находились под жестким контролем со стороны их резидентов-баскаков. Введенная в систему ордынской властью практика выдачи ханских ярлыков на великое княжение в древнерусских землях провоцировала на беспрецедентно острую и жесткую борьбу за политическую гегемонию между Москвой, Тверью и Литвой. В этой экстраординарной ситуации, как правильно заметил российский историк В. В. Трепавлов, «одерживал верх тот, кто наилучшим образом мог приспособиться к поряд-

кам, царившим в Ордынском государстве — сверхгегемоне» [5]. Такая приспособленность могла возникнуть только в результате глубокого изучения культурных традиций, образа жизни, системы генеалогического родства тюркоязычных кочевых народов и господствовавших в номадных социумах норм обычного права.

Не случайно Ипатьевская летопись и другие письменные источники XIII—XV вв. упоминают об официальных переводчиках-толмачах, находившихся в то время у русских князей на службе [6]. В этой связи Плано Карпини прямо утверждал, что получил ряд ценных сведений о татарах от венгров и русских клириков, причем среди последних было немало людей, которые «пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые меньше» [7].

В это время, как показывают исследования современных лингвистов, в словарный запас русского языка проникло наибольшее количество тюркизмов, в том числе тюркских социальных терминов (*хан, бек, нойон, багадур, батыр* и т. д.). Кроме того, в некоторых древнерусских нарративных сочинениях монгольской эпохи уже тогда встречаются отдельные выражения и списки тюркоязычных слов, сопровождаемые в некоторых случаях попытками их краткой этимологизации [8]. Свидетельством того, что в русских княжествах хорошо знали положение дел в Орде и кочевых ханствах-наследниках Джучиева улуса, является содержание древнерусских летописей — Ипатьевской (XIII—XIV вв.), Лаврентьевской (XIV в.), Суздальской (XV в.), Троицкой (XV в.), Новгородских летописей (XIV в.) и др., исторических повестей и агиографической литературы XIII — середины XIV века, в которых имеются многочисленные сведения о различных исторических лицах и событиях, сыгравших важную роль в политической истории народов как Западного, так и Восточного Дешт-и-Кипчака.

Примечательно, что уже в XIV—XV вв. русские впервые проложили дорогу в Сибирь, которая упоминается в источниках того времени под названием «Югра» и «Югорская земля». Первыми землепроходцами, освоившими путевой маршрут к Камню, были новгородские торговые экспедиции — об этом свидетельствуют легенды, внесенные в Начальную летопись, летописное

упоминание под 1364–1365 гг. о «югорщине» — купеческой корпорации, специализировавшейся на торговле с сибирскими народами, рассказ о военном походе 1364–1365 гг., когда боевые суда новгородской дружины впервые вышли в реку Обь» [9].

Нацеленность московской геополитики на формирование странственной системы, ориентированной на ее многообразную проекцию вовне, а, следовательно, и на овладение комплексом знаний о восточных народах и странах, подтверждается также фактом упоминания Югры в составе титулатуры «государя всея Руси». Впервые московский великий князь Иван III именовал себя названным титулом 14 марта 1484 г. в сочетании «Князь Югорский», что недвусмысленно свидетельствует о том, что к тому времени он уже располагал более или менее достоверными известиями о землях за Уралом и населявших их народах [10].

В период распада ордынской военно-административной системы и обретения Русским государством фактической независимости от Орды (конец XV — середина XVI века) объем информации о тюркоязычных народах Северной Евразии в русских письменных источниках заметно увеличился.

В значительной мере этому способствовало усиление роли чингизидского династического фактора во внутривосточном соперничестве русских князей за великокняжеский престол и системе новой геополитической метастратегии Москвы [11], стремившейся к утверждению своего протектората над другими государствами-наследниками Джучиева улуса. Данное обстоятельство во многом объясняет появление с конца XV в. в русских летописях (Летописный свод 1497 г., Воскресенская и Типографская летописи) первых тюрко-монгольских генеалогий — родословных списков ханов-джучидов Большой Орды, имевших общие генеалогические корни с казахской династией чингизидов [12].

Наряду с летописями родословные росписи ханов Золотой Орды и их потомков — казанских, крымских и астраханских «царей»-ханов, а также ногайских мурз или «князей» стали включаться, начиная с 40-х годов XVI в. в виде отдельных глав и генеалогических легенд («легенды о выезде») в родословные книги русских княжеских и боярских фамилий (Летописная ред., Ред. в 43 главы, Ред. в 81 главу, Патриаршая ред., Ред. начала XVII в., Румянцевский список и др.) [13], а также в официальные редакции генеалогий русских великих и удельных князей типа

«Государева родословца» 1555 г. [14], которые являются важнейшими источниками по истории взаимоотношений русского народа с кочевниками Западного и Восточного Дешт-и-Кипчака.

В конце XV — первой половине XVI века в процессе создания централизованного Российского государства и расширения его международных связей в русских землях стала постепенно складываться разветвленная система информационного обеспечения органов государственной власти. В это время центральными учреждениями, непосредственно ведавшими делами внешних сношений, были Боярская Дума, Казна и Дворец. С 1549 г. начал действовать как специальный орган дипломатической службы Посольский приказ. В круг его обязанностей входили не только международные отношения, но и регулярный сбор разносторонних сведений о зарубежных странах и народах, осуществлявшийся посредством многочисленного корпуса казенных дьяков и подьячих, толмачей, специальных резидентов-осведомителей, русских и иностранных послов. В Посольском приказе концентрировалась вся культурная, исследовательская и идеологическая деятельность страны — здесь работала большая группа переводчиков и толмачей, хранились разнообразные выписки из исторических трудов и переводные сочинения, создавались исторические работы, обосновывающие легитимность существовавшей формы правления и величия России; сюда прибывали различного рода донесения и отчеты послов [15].

В XVI—XVII вв. в штате служащих Посольского приказа было много представителей тюрко-монгольской знати, поступивших в разное время и при разных обстоятельствах на службу Российскому государству. В их лице московское правительство приобрело не только опытных специалистов в военном деле, главным образом в кавалерийских войсках, но и компетентных советников по Востоку, больших знатоков образа жизни, кочевого быта, политической культуры и менталитета соседних азиатских народов [16]. Обширные функции, высокая степень информационности о внутренних и внешних делах страны, большое влияние на идеологию и культуру постепенно сделали Посольский приказ, по определению известного российского дипломата А. Л. Ордина-Нашекина, «оком всей великой России» [17].

К началу XVI в. параллельно с организацией дипломатической службы в России стали унифицироваться формы ведения

международных переговоров и связанное с ними делопроизводство. Посольская документация XVI—XVII вв. представлена в ряде грамот, столбцов и книг. Среди этих групп письменных источников наиболее важное место в дореволюционной историографии Казахстана занимают посольские книги, которые являются самым информативным, многочисленным и наиболее сохранившимся до наших дней комплексом документов по истории восточных народов.

В посольских книгах документальные материалы делились на две части: «*отпуск*» и «*приезд*». Первую группу составили главным образом такие документы, как *памяти* (распоряжения об обеспечении послов, которые включали иногда и речи последних); *наказы* (подробный перечень задач и поручений, возложенных на посла); *грамоты* или *послания* главам других государств и иным влиятельным лицам. Во второй группе центральное место занимали *переводы ответных грамот* иностранных правителей, *статейные списки* (отчеты) русских послов, «*распросные речи*», т. е. дополнительные свидетельства разных лиц о деятельности российских и иностранных посольств и исторических событиях.

Состав дипломатических документов, отложившихся в центральных (Москва) и периферийных (Казань, Астрахань, Тобольск, Тюмень и др.) архивах страны, однозначно говорит о том, что термин «русские источники» применительно к данной группе исторических материалов во многом не соответствует исторической действительности, так как посольские книги и столбцы XVI — первой четверти XVIII века содержат кроме текстов, исходивших от российских послов, подлинники и переводы довольно обширных посланий, распросные речи и письма правителей и военно-служилой знати соседних азиатских государств, которые по основным типологическим признакам (язык, культурно-конфессиональная и этническая принадлежность авторов, место происхождения и др.) должны быть отнесены к категории восточных документальных источников.

В настоящее время в Российском Государственном архиве древних актов хранится 760 посольских книг по связям России с разными государствами, из них более 150 — по связям с народами, позднее вошедшими в состав России. Однако наиболее ранние комплексы книг по взаимоотношениям Московского государства с Астраханским, Казанским, Крымским, Тюменским и

Казахскими ханствами, а также Кабардой, Шемахой и Сибирью в конце XV — середине XVI в. безвозвратно утеряны [18].

Во второй четверти XVI в. Россия превратилась в сильное централизованное государство, но авторитет чингизидов в смысле легитимности их высокого политико-правового статуса и его главного символа — титула «царь» (русский синоним тюрко-монгольского термина «хан») — был по-прежнему непрерываем на всем евразийском пространстве. Вследствие этого московский великий князь, даже повысив к концу XV в. свой фактический и формальный ранг («царь болгарский», «князь угорский» и т. д.), имел, тем не менее, промежуточный статус между чингидами Казани и Крыма — с одной стороны, и сибирскими, казахскими, узбекскими и ногайскими правителями — с другой. «Причем, если по отношению к первой группе сюзеренов, — как пишет В. В. Трепавлов, — формальный вассалитет великого князя фактически не оспаривался и подтверждался выплатой дани, то с «царями» и «князьями», так сказать, младших ханств, шла скрытая полемика о старшинстве» [19].

Правители Ногайской орды, в свою очередь, активно соперничали за ордынское наследство с казахскими ханами-чингидами. Ввиду того, что ногайским князьям пришлось вести напряженную борьбу на правом фланге Мангытского улуса с правителями-чингидами Крыма, а на левом — с казахскими ханами, политическая гегемония в междуречье Яика и Волги и на прилегающих к нему кочевьях Западного Казахстана поочередно переходила из рук в руки от правителей Ногайской орды к казахским ханам и наоборот, от последних — к ногайским мурзам. Эти исторические события оказали заметное влияние на политическую обстановку в Крыму и Среднем Поволжье, что и обусловило возросший интерес Москвы к Казахскому ханству. В 1521 г. в наказе Посольского приказа русскому посланнику в Турцию Василию Михайловичу Третьяку-Губину прямо предписывалось наряду с прочими заданиями «про Казацкую орду ...пытати, кто ныне в казакех государь и где кочует» [20].

В середине XVI в. в России сложились благоприятные условия для завоевания Казанского и Астраханского ханств и включения их в состав Российского государства. Взятие Казани в 1552 г., а Астрахани — в 1556 г. открыло для России сразу два торговых пути в Азию: Камский в Сибирь и Юго-Восточный в

направлении Яика и Каспия. Московское государство, раздвинув к востоку свои рубежи, сомкнулось в районах Южного Урала с кочевьями ногайцев и казахов. Это способствовало установлению дипломатических и торговых связей русских людей с казахами, народами Прикаспия и Средней Азии.

В XVII – начале XVIII века происходило дальнейшее развитие русско-казахских и русско-среднеазиатских отношений. После поражения Кучума (1585 г.) и присоединения Сибирского ханства (1597 г.) установился торговый путь через Казахские степи в Среднюю Азию по Сибирскому направлению. Среднеазиатские торговцы и посланники пользовались Тобольской дорогой, которая шла по Иртышу и выходила в Адабашский отрог. Существовал торговый путь из Тобольска в Среднюю Азию, пролежавший по р. Ишим, далее на горы Улутау до Туркестана, а оттуда – в Хиву и Бухару. Кроме того, с Сибирью среднеазиатские государства связывала дорога, которая транзитом проходила через казахские кочевья из Казани в Уфу, а оттуда в Тобольск и Тару. Развитие многосторонних контактов между Россией и Казахским ханством, русским и казахским народами стимулировалось интенсивным миграционным движением в приграничные регионы Сибири предприимчивых торговцев, беглых помещичьих и монастырских крестьян, посадских людей и других категорий российского податного населения. Вследствие миграций славянских групп населения из европейской части страны на территорию Южного Урала и Западной Сибири на этих землях были основаны Тюмень (1586), Тобольск (1587), Тара (1594), Яицкий городок (1596), Гурьев (1640) и другие русские поселения. Сюда приезжали торговцы из Туркестана, находившегося в казахских кочевьях, и купцы из среднеазиатских городов. С этого времени юго-восточные рубежи Российского государства вошли в тесное соприкосновение с Казахским ханством, и оба народа стали непосредственными соседями. Данное обстоятельство явилось одним из наиболее важных факторов, обусловивших дальнейшую эволюцию русско-казахских отношений и более интенсивное изучение Казахстана в России.

Начиная с XVII в., важную роль в накоплении историко-этнографической информации о казахском народе стали играть административные органы приграничных поволжских и сибирских городов. Сибирские, казанские и астраханские воеводы и

пограничная администрация в целом обладали более широкими полномочиями, чем их коллеги в европейской России. В компетенцию этих должностных лиц входили военные, административные, судебные и таможенные дела, а также частично дипломатические сношения с правителями соседних азиатских государств и народов. Вследствие такого многопрофильного характера деятельности сибирских воеводских канцелярий города Казань, Астрахань, Тобольск, Тюмень, Томск и некоторые другие приобрели в России значение важнейших центров информации о тюркоязычных народах Сибири, Казахской степи и Средней Азии. Известный российский ориенталист П. С. Савельев впоследствии писал по этому поводу: «И до времени Петра Великого мы имели в архивах богатый запас географических и этнографических сведений, собранных на месте, обо всей полосе Средней Азии, в обширном смысле взятой... но при младенчестве нашей ученой деятельности в то время этими сведениями могло пользоваться одно правительство да немногие иностранные резиденты, которые явно черпали сведения о Сибири и восточных странах не из одних рассказов, но и письменных источников» [21]. Однако фонды Тобольской приказной палаты и губернской канцелярии, а также комплексы документов приказных («съезжих») изб уездных городов почти полностью погибли в многочисленных пожарах XVII–XVIII вв., и в настоящее время в них хранятся лишь отдельные разрозненные документы по истории Казахстана и казахов.

В конце XVI–XVII вв. главным каналом получения и передачи историко-этнографической информации о восточных народах по-прежнему оставались поездки русских «служилых» людей в соседние страны Центральной Азии и приезд в Россию азиатских посланников. В это время удельный вес и информативное значение таких дипломатических документов, как статейные списки, в посольской документации страны заметно увеличились. Отчеты послов — не только чрезвычайно важный источник для истории русско-казахских и казахско-среднеазиатских отношений, но это еще и свидетельство очевидца о всех событиях, связанных с дорогой и пребыванием в той или иной стране. Среди этой группы документальных материалов наиболее обстоятельную и конкретную информацию по истории и этнографии Казахстана содержат статейные списки послов: Прокофия Вражского — в Но-

гайскую орду (1611 г.), Ивана Хохлова — в Бухару (1620—1622 гг.), Федора Байкова — в Китай (1654—1658 гг.), Бориса и Семена Пазухиных — в Хиву и Бухару (1670—1672 гг.), Милеску Спафария — в Пекин (1675—1678 гг.), Василия Кобякова (1692 г.), Федора Скибина и Матвея Трошина — в Туркестан (1695 г.) (см. их тексты в т. 1 данной серии). Эти посольства доставили в Россию ряд важных фактических сведений о внешнеполитических связях, хозяйстве, быте и материальной культуре казахского народа, которые широко использовались для составления отписок астраханских, уфимских и сибирских воевод по ногайским, калмыцким и джунгарским делам, а также для составления сибирских летописей.

Со второго десятилетия XVII в. ведущим групповым источником по истории и этнографии казахского народа становятся отписки воевод. В них содержится исключительно ценный как для того времени, так и для современных исследователей конкретно-исторический материал, освещающий некоторые важные события казахско-джунгарских отношений, в том числе борьбу казахских ханов против завоевательной политики Джунгарского ханства в Юго-Восточном Казахстане. Данная форма дипломатических документов наиболее полно соответствовала ограниченным интересам российской внешней политики того времени в сопредельных с Сибирью юго-восточных регионах Евразии и поэтому просуществовала вплоть до 30—40-х годов XVIII в., когда российское правительство ввело в систему регулярные донесения и рапорты с мест.

Отличительная черта русских дипломатических материалов XVII в. о казахском народе — строгая фактографичность, что определялось сугубо практическим назначением статейных списков и отписок воевод, т. е. необходимостью сообщить наиболее важные факты для реализации назревших государственных задач России. Подробно воспроизводились в них речи действующих лиц. Эта традиция в силу различных обстоятельств почти не изменилась со временем.

В конце XV—XVII вв. в Московском государстве накапливался также обширный и многообразный географо-картографический материал, составивший три основные группы источников: писцовые книги, чертежи порубежных земель и дорожники. В их содержании уже на данном этапе проявилась характерная черта

дореволюционной русской картографии — исключительно прагматическая направленность ее деятельности, концентрировавшаяся в Посольском и Разрядном приказах, и достоверность исходных материалов, добывавшихся в процессе непосредственных полевых обследований. По свидетельству специалистов-картографов, составление «чертежей» в центральных органах управления и на местах стало обычным делом в практике Российского государства XVI — XVII веков [22]. Однако если в предшествующий период они служили средством познания и осмысления новой обширной территории Московской державы, то теперь эти документы становятся необходимым пособием в управлении централизованным государством и укреплении его внешних рубежей на северо-западе и юго-востоке Евразии.

Одним из наиболее крупных результатов в сфере географического изучения территории Казахстана в допетровское время явились наряду с хорошо известным современным историкам картографическим источником начала XVII в. «Книгой Большого чертежа» (1627 г.) труды выдающегося сибирского исследователя, автора работ по топографии, этнографии и истории Сибири Семена Ульяновича Ремезова (1642—после 1720 гг.). Его творческое наследие в советское время было детально исследовано Л. А. Гольденбергом, М. О. Косвеню, А. И. Андреевым, Э. А. Масановым и другими учеными [23].

С. У. Ремезов составил три больших сборника карт, чертежей и рисунков: «Чертежную книгу Сибири» (1699—1701 гг.), «Хорографическую чертежную книгу» (1697—1711 гг.) и «Служебную чертежную книгу» (1702—1730 гг.), законченную его сыновьями. В состав первого сборника под № 20 вошла карта «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи», на которую были нанесены зимовки казахов и населенные пункты в долине р. Сырдарья, пунктирной линией обозначены торговые дороги в Казахское ханство из Сибири через г. Тобольск. Карта сопровождалась пояснительными текстами, содержащими некоторые географо-экономические, этнографические и исторические данные [24]. По верному определению советского географа А. В. Плотникова, «в трудах С. У. Ремезова наиболее полно освещена и обобщена отечественная методика получения информации о местности, сложившаяся в итоге длительного развития практики составления русских географических чертежей» [25].

Среди совокупности разнообразных русских документальных материалов по истории Казахстана XVII — первой трети XVIII в. особое место занимают летописи, посвященные теме завоевания Сибири и ее присоединения к Московскому государству. Они возникли в период XVII — начала XVIII в. на территории самой Сибири и поэтому в дальнейшем вошли в российскую историографию под названием «Сибирские летописи».

Начало сибирского летописания все исследователи единодушно относят к 20–30-м гг. XVII в. и возводят его истоки непосредственно к воспоминаниям ветеранов завоевания Сибири и других осведомленных современников этого события или их ближайших потомков о походах Ермака и успешном завершении уцелевшими соратниками атамана волжских казаков начатого им дела. В летописных известиях на эту тему, появившихся в стране сразу же после Великой Смуты, намечилось два направления в оценке Ермака, которые резко отличались друг от друга по своему характеру. Одно из них происходило из официальных московских кругов, близких к патриарху Филарету, и было представлено «Кратким описанием о земле Сибирской» и статьей «О взятии царства Сибирского» в московском «Новом летописце». Авторы этих произведений однозначно негативно оценивали мотивы, побудившие Ермака отправиться в Сибирь, и характеризовали атамана волжских казаков и его сподвижников как «разбойников» и «воров», которые, спасаясь от праведного гнева государева, были вынуждены «аки волки разбежаша по Волге вверх» и дальше за Урал, чтобы избегнуть неминуемой виселицы за свое «воровство и злое непокорство». Второе направление, представленное ранними тобольскими летописями и синодиками, не упоминало о казачьем «воровстве» и характеризовало ермаковцев как главных героев присоединения Сибири к Московскому государству и защитников православной веры [26].

Это новое идейное направление в освещении истории завоевания Сибири возникло на ее территории в связи с учреждением архиепископской кафедры в Тобольске. В 1621 г. туда был назначен бывший митрополит новгородский Киприан (1621–1636), который получил известность в России XVII в. как очень честолюбивый, энергичный и деятельный человек. С самого начала своего пребывания в новоприсоединенном крае он постарался еще больше возвысить себя над прочими рос-

сийскими церковниками и увековечить свое имя в истории. Благодаря ему и его энергии, в Тобольске были построены Софийский собор, основаны монастыри в других сибирских городах, а вновь учрежденный тобольский храм добился больших земельных пожалований. Чтобы поднять духовный престиж своего архиепископства на желанную высоту, Киприан стал искать случая канонизировать местных подвижников и святых. В поисках подходящих для этой цели исторических деятелей он никак не мог пройти мимо фигуры Ермака, который в Сибири имел исключительную популярность среди русских переселенцев. Киприан решил использовать этот своеобразный народный культ в интересах православной церкви и уже во второе лето своего святительства в Тобольске «воспомянул» атамана Ермака с дружиною в числе прочих «пострадавших за православие». Он приказал составить синодик «убиенным казакам» и в неделю православия «кликати» им в Софийском соборе «вечную память». Для составления такого синодика архиепископ обратился к бывшим сподвижникам Ермака, жившим тогда в Тобольске [27].

Некоторое время спустя престарелые ермаковцы появились на подворье архиепископского дома и принесли Киприану «списки» своего повествования о том, «како они прийдоша в Сибирь и где у них с погаными агарены были бои и кои из них именем атаманов и казаков побиша». Так появилась в Тобольске первая историческая летопись под названием «*Написание, како прийдоша в Сибирь*» с записью речей оставшихся в живых участников завоевательного похода.

По верному определению известного советского историка Р. Г. Скрынникова, «соратники Ермака, хорошо знавшие его, были весьма далеки от того, чтобы представлять его христианским подвижником». Поэтому духовенству пришлось подвергнуть «списки» их речей основательной переработке, прежде чем включить в Синодик» [28]. В ходе существенной теологической редакции «Написания» казаков за счет включения в первоначальный текст летописи пространных рассуждений о богоизбранности Ермака для очищения «места святыни» и победы над «бесерменским царем Кучумом» архиепископ тобольский Киприан составил в 1622 г. свой «Синодик Ермаковым казакам», содержащий подробные сведения об истории завоевания Сибири [29]. В дальнейшем этот исторический документ послужил первоначальным источни-

ком для сибирского летописания и был положен в основу трех самых крупных и ценных в научно-практическом отношении сибирских летописей: Есиповской, Строгановской и Ремезовской, составленных в более поздние годы. В этой связи составление Синодика, базировавшегося на прямых показаниях соратников и современников Ермака, со времен Г. Ф. Миллера упрочило за архиепископом Киприаном славу первого историка Сибири, положившего начало «сочинению [сибирских] летописей» [30].

При жизни фактического правителя Российского государства патриарха Филарета (годы правления — 1619—1633) идеология Синодика и установленного сибирским архиепископом посредством него чина поминоения ермаковских казаков имела исключительно провинциальное значение и существенно расходилась с официальной точкой зрения российской столицы. Ситуация резко изменилась в стране со сменой верховного владыки русской православной церкви и назначением священным собором в начале 1636 г. на пост архиепископа Сибири Нектария (1636—1640). Новый пастырь пользовался большим влиянием при царском дворе, и ему очень скоро удалось добиться в Москве изменения официального взгляда церковных и светских властей на завоевателя Сибири. 16 февраля 1636 г. по ходатайству (по «грамоте») Нектария центральная власть в лице царя, патриарха и священного собора установила «вселенские» поминания Ермака и его казаков [31]. Это важное политическое событие явилось серьезным стимулом для пробуждения творческой инициативы у сибирских религиозных и общественных деятелей и способствовало интенсивному развитию исторического летописания в Сибири.

Так, в период с 1 апреля по 1 сентября 1636 г., во время прибытия нового архиепископа из европейской части России в Тобольск, местный архиепископский подьячий Савва Есипов подготовил летопись «О Сибири и Сибирском взятии», получившую впоследствии известность в науке под названием «Есиповская летопись» [32]. Этот труд должен был закрепить и усилить новый взгляд на «священную» миссию Ермака и его сподвижников в Сибири. Составленная С. Есиповым летопись основывалась наряду с «Синодиком» архиепископа Киприана на данных более ранней летописи, добытых от участников похода Ермака и из устных преданий тюркоязычных народов Сибири. К числу последних известий относятся сведения о династии сибирских пра-

вителей-Тайбугидов, предшествовавшей правлению хана Кучума, генеалогии самого Кучума или, точнее, сибирской ветви чингизидской династии Шибанидов, и упоминания о выезде «сибирского царя» из «Казачей (т. е. Казахской) орды». Эти источники были литературно обработаны автором летописи, о чем убедительно свидетельствуют высокопарные речи, приписанные им хану Кучуму и Ермаку; образные сравнения и метафоры, а также заключительная статья о победе христианства над «бесерменством» в Сибирской земле.

Другое историческое произведение, написанное на ту же тему, — «О взятии Сибирские земли» или так называемая «Строгановская летопись» — было создано неизвестным автором, по мнению советского историка С. Бахрушина, к концу первой половины XVII в., а по утверждению исследовательницы А. М. Ставровиц и известного советского источниковеда А. И. Андреева — около 1673 года [33]. Свое название эта летопись получила еще со времени Н. М. Карамзина по имени семьи Строгановых, с которой автор находился в близких отношениях и пользовался ее вотчинными архивами для составления своей рукописи. В отличие от Саввы Есипова создатель «Строгановской летописи» имел главной целью не прославление боевых подвигов предводителя волжских казаков, а большей частью — возвеличивание роли предприимчивых купцов Строгановых в деле открытия и завоевания Сибири, что нашло соответствующее отражение и в тематике этого исторического сочинения. Основное место в нем уделено цивилизаторской «христианской миссии» фамилии Строгановых в Сибирской земле, тогда как фактические сведения о различных сибирских народах, включая казахов, занимают там периферийное положение по отношению к главной теме труда безымянного русского историографа.

В исторической науке в течение почти двух веков велась большая дискуссия о дате составления Строгановской летописи и соотношении Есиповской и Строгановской летописей между собой. Одни историки полагали, что Строгановская летопись была создана раньше, чем Есиповская, и является ее протографом, откуда тобольский дьяк Савва Есипов почерпнул общую канву исторических событий и многие фактические сведения. Другие исследователи, напротив, утверждали, что «Строгановская летопись не только не может почитаться источником Есипов-

ской, но, наоборот, сама воспользовалась этой последней, внося в нее ряд вставок в целях возвеличивания семейства Строгановых» [34]. Долгое время первая точка зрения имела наибольшее признание среди российских историков, что нашло непосредственное отражение в структуре первого научного издания Сибирских летописей, подготовленного Археографической комиссией и вышедшего в свет в 1907 году. Однако в ходе последующего выявления новых летописных источников по истории завоевания Сибири с 20-х годов XX в. в исторической науке возобладало мнение о наличии одного общего источника — Синодика Киприана — для Строгановской и Есиповской летописей и более позднем времени составления Строгановской летописи по сравнению с Есиповской, хотя по поводу конкретной даты создания этого произведения точки зрения различных ученых по-прежнему расходятся.

На рубеже XVII—XVIII вв. в Сибири был создан новый летописный исторический труд под названием «История Сибирская», вобравший в себя предыдущие летописи. Его автором является известный для своего времени историк, географ и картограф, тобольский сын боярский С. У. Ремезов, составивший единственный в своем роде географический атлас Сибири. В научной литературе двух последних веков труд, написанный этим автором, получил название «Ремезовская летопись» [35]. В семье потомственных тобольских служилых людей Ремезовых, близко находившихся в течение многих десятилетий к русской администрации Сибири, хранилось немало сведений и фамильных преданий о прошлом этой обширной азиатской части страны, а также о посольских контактах некоторых из них с предводителями различных кочевых тюркоязычных и монгольязычных племен, проживавших на юго-восточной сибирской «украине». Поэтому С. У. Ремезов имел возможность почерпнуть необходимые ему исторические сведения не только из предшествующих летописей и архива Тобольской съезжей избы, но и из рассказов членов своей семьи, а также из расспросов других русских старожилов, «иноземцев, бухар, татар и калмыков» [36].

По определению специалистов-историков, Ремезовская летопись имеет сложный многослойный состав. С. В. Бахрушин в свое время установил, что ее создатель широко использовал в своем труде Есиповскую летопись, семейные предания о походе Ерма-

ка, рассказы тобольских «бухарцев» и прочих выходцев из тюркоязычных народов Сибири. Кроме того, он обратил внимание на то, что в текст «Истории» были вклеены листы другой самостоятельной летописи, озаглавленной Ремезовым как «*Летопись краткая Кунгурская*».

Согласно результатам более углубленного анализа текста Ремезовской летописи, проделанного позже историком Р. Г. Скрынниковым, в этом источнике присутствуют три разновременных редакционных слоя. Один из них, выдержанный в духе официальной церковной традиции, обнаруживается на первом листе сочинения С. У. Ремезова, который, по ироничному замечанию тобольского любителя истории XVIII в. И. Л. Черепанова, «имел немалое желание, чтоб Ермак когда-нибудь святым причтен был». На втором листе рукописи автор уже не ссылается на волю божью и достаточно реалистично излагает конкистадорские «подвиги» Ермака, которые характеризует как «воровские». И, наконец, на страницах, вставленных в основной текст «Краткой Кунгурской летописи», совсем отсутствуют какие-либо намеки на христианские мифы о божественном призвании подвижников-казаков, а их воинские походы излагаются в жанре светской литературы того времени [37].

Примечательной особенностью «Ремезовской летописи» по сравнению с другими летописными материалами XVII в. является ее декоративное оформление многочисленными иллюстрациями, представляющими собой стилизованные зарисовки различных жанровых сцен из истории завоевания Сибири. Такие рисунки помещены автором на всех листах рукописи, включая ее более позднюю вставку — «Краткую Кунгурскую летопись». Однако и в самом живописном декоре рукописи этого сочинения, как показывают специальные искусствоведческие исследования, четко прослеживаются определенные различия между его разновременными составными частями. Так, иллюстрации к основному тексту выполнены в традиционном условно-иконописном стиле и предстают в виде типичной средневековой миниатюры, тщательно отработанной автором. В противоположность этим рисункам иллюстрации кунгурских листов обращают на себя внимание выразительной живостью изображения людей и жанровых сцен, которые поданы С. У. Ремезовым в реалистической манере исполнения [38]. В 1880 г. «Краткая Кунгурская летопись» «со 154

рисунками» была напечатана отдельным изданием в Санкт-Петербурге, а более 100 лет спустя, в 2003 г., вторично переиздана в Иркутске с факсимильным включением в современный типографский текст постраничных иллюстраций ее талантливой оформительницы и автора.

Новые духовные веяния в культурной жизни России, связанные с преобразованиями Петра I, оказали существенное влияние на мировоззрение С. У. Ремезова, который внес определенные коррективы в свои взгляды на процесс развития сибирской истории. Под воздействием новой светской литературы исторического содержания и западных рационалистических течений он, в отличие от своих предшественников, стал значительно шире опираться на архивные документальные материалы, собственные географические и этнографические наблюдения, русский и тюркоязычный народный фольклор. Расширение источниковой базы исторического труда за счет привлечения к работе этих видов письменных и фольклорных источников и усвоения рационалистического взгляда на поступательное развитие человеческого общества способствовало преодолению С. У. Ремезовым к концу его жизни традиционной религиозно-теологической тенденции в интерпретации сибирской истории, что, в свою очередь, существенно повысило степень достоверности многих приведенных им фактических данных об историческом прошлом народов Сибири по сравнению с другими летописными сочинениями XVII в., а также значительно обогатило предметно-тематическое содержание его сочинения [39].

Есиповская, Строгановская и Ремезовская летописи заложили основы сибирского летописания и своей тематикой, концептуальным подходом к ней и использованными видами источников во многом предопределили на перспективу его характерные специфические черты. Эта повествовательная традиция получила свое дальнейшее развитие в так называемых поздних сибирских летописях, к которым относятся «Записки к истории Сибири служащие», «Новая Сибирская история» И. Черепанова и другие произведения, появившиеся в Сибири в XVIII веке.

Значение вышерассмотренных сибирских летописей как источников по истории Казахстана определяется главным образом тем, что здесь имеется целый ряд важных историко-этнографических и историко-географических сведений о Казахской степи и

казахах периода XVI–XVII вв., которые отсутствуют в других современных им русскоязычных и мусульманских персо- и тюркоязычных материалах. В частности, эти культурно-исторические памятники дают представление о традиционной транзитной роли казахских земель в геополитическом пространстве внутриконтинентальной Евразии и содержат многие конкретно-исторические данные о межкультурных, политических и междинастических контактах казахов как с их южными и юго-восточными соседями, так и с сибирскими тюркоязычными племенами и народами. В летописях приводятся также разнообразные малоизвестные историкам Казахстана сведения о различных социальных институтах тюркоязычных номадов Сибири и Центральной Азии, являвшихся общими для многих народов этой части континента в эпоху позднего средневековья и начала нового времени. И, наконец, здесь имеется ценная информация об исторической географии Ногайской орды, Сибирского ханства, Казахской степи и джунгарских владений на севере Центрально-Азиатского региона в XVII в., проливающая новый свет на особенности пространственной локализации казахских кочевий в тот период времени, расположение основных ареалов межкультурного взаимодействия казахов с соседними кочевыми народами и маршруты движения торговых караванов по территории Казахстана и сопредельных восточных и юго-восточных регионов Центральной Азии.

Первым собирателем и исследователем сибирских летописей был выдающийся историк XVIII в. Г. Ф. Миллер, совершивший свое знаменитое десятилетнее путешествие по Сибири в составе Второй Академической экспедиции 1734–1734 годов. Из Сибири им были вывезены в Петербург несколько списков Есиповской летописи в разных редакциях и Ремезовская летопись. При написании в 1750 г. своего фундаментального труда «История Сибири» Г. Ф. Миллер не только широко использовал исторические сведения обеих летописей как источников, но и предпринял первый в науке опыт их классификации.

Во втором десятилетии XIX в. известный собиратель исторических источников и издатель «Сибирского вестника» Г. И. Спасский впервые обнаружил и издал Строгановскую летопись, а вслед за ней переиздал Есиповскую летопись, появившуюся в 1822 г. в журнале «Соревнователь просвещения». После появления этих публикаций в российских журналах сибирские летописи привлек-

ли к себе внимание историка Н. М. Карамзина, который использовал в девятом томе своей «Истории Государства Российского» Есиповскую, Ремезовскую и Строгановскую летописи, а также другие вновь выявленные летописные труды по истории Сибири. Позднее историк П. И. Небольсин не только продолжил работу своих предшественников по сбору и изучению сибирских летописей, но и в 1849 г. опубликовал в своем труде «Покорение Сибири» четыре новых списка Есиповской и Строгановской летописей.

Двадцать лет спустя Археографическая комиссия начала подготовку к переизданию общерусских летописных сводов, появившихся незадолго до того в первых восьми томах «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ). 31 октября 1870 г. член Комиссии А. Ф. Бычков выступил на одном из ее заседаний с предложением «начать издание в свет летописей сибирских в двух редакциях... а также других местных летописей». Его идея получила одобрение в Комиссии, которая тогда же поручила подготовку этого издания своему члену, искусствоведу по специальности, П. В. Павлову. По разным причинам сбор новых списков летописей и обработка собранных материалов затянулись на девять лет. В ноябре 1878 г. П. В. Павлов, назначенный незадолго перед тем ординарным профессором в Киевский университет на кафедру теории и истории искусства, отказался от дальнейшей работы, и ее продолжение Комиссия поручила другому своему члену — Л. Н. Майкову.

В течение последующих лет подготовка к изданию сибирских летописей сильно осложнилась существованием среди российских историков двух разных точек зрения по вопросу о времени создания Есиповской и Строгановской летописей, их достоверности и соотношения этих летописей между собой, что вынуждало Л. Н. Майкова неоднократно переделывать уже подготовленную к изданию работу в связи с находками новых списков обеих рукописей. После смерти Л. Н. Майкова подготовка издания сибирских летописей была продолжена по указанию Комиссии его однофамильцем или родственником (?) В. В. Майковым, который к концу 1906 г. завершил всю работу над сборником и составил предисловие к публикуемым текстам. В отчете Археографической комиссии за 1907 г. указывалось, что в том году вышли в свет «Сибирские летописи». В соответствии с доминировавшим многие годы в дореволюционной российской историо-

графии представлением о более раннем происхождении Строгановской летописи по сравнению с Есиповской и другими сибирскими летописями порядок их расположения в структуре данного сборника был следующим: на первом месте находилась Строгановская летопись, на втором — Есиповская, а на третьем — Ремезовская летопись. Кроме трех указанных летописных произведений в состав издания вошла статья «*Описание новые земли Сибирского государства*», составленная, по данным советского историка А. И. Андреева, в 1686 г. подьячим Посольского приказа Никифором Даниловичем Венюковым, совершившим путешествие в Китай [40]. В настоящем издании фрагментов сибирских летописей расположение Строгановской и Есиповской летописей по отношению друг к другу изменено в противоположном порядке по сравнению с изданием 1907 г. с учетом точно установленной советскими историками хронологической последовательности появления на свет каждого из трех публикуемых здесь летописных трудов.

В XVIII в. параллельно с развитием сибирского летописания в приграничных землях Поволжья, Южного Урала и Сибири происходило дальнейшее накопление разнообразных дипломатических документов, имеющих прямое или опосредованное отношение к казахскому народу и казахстанскому региону. В первой трети XVIII в. в связи с петровскими преобразованиями была произведена существенная модернизация дипломатической службы России и ведение делопроизводственной документации в центральном аппарате государства и вновь основанных губернских учреждениях страны. Это выразилось в упорядочении отчетов и донесений губернаторов с мест, обязательном отправлении из административных центров приграничных российских губерний в Москву, а позднее — в Петербург всех поступающих туда официальных писем и обращений от иностранных государей, усложнении корпуса дипломатических документов и появлении новых видов информационных материалов (регулярных рапортов и донесений, «промеморий», «экстрактов», путевых журналов и т. п.). В результате этого в Коллегии иностранных дел в Москве и губернских канцеляриях российских городов — Казани, Астрахани и Тобольска — с начала XVIII в. стали концентрироваться крупные комплексы разнообразных дипломатических документов по взаимоотношениям России с Башкирией, Калмыцким ханством, казахскими ханствами, Джунгарией и государствами Средней Азии.

К концу первой четверти XVIII в. развитие интенсивных торговых и дипломатических контактов с государствами Центральной Азии стало одним из приоритетных векторов восточной политики России, что выразилось в резком увеличении количества российских посольств, направлявшихся царским правительством в Казахскую степь, Джунгарское ханство и страны Средней Азии. С другой стороны, оживление русско-казахских и русско-среднеазиатских отношений было обусловлено в тот период резкой активизацией завоевательной политики Джунгарского ханства в отношении его северо-западных кочевых соседей, которая имела исключительно тяжелые социально-экономические и политические последствия для казахов, кыргызов и других народов региона. В поисках необходимого выхода из назревавшего в казахских кочевьях системного кризиса степные правители были вынуждены часто обращаться к царским властям за содействием в разрешении пограничных конфликтов подвластных им групп населения с волжскими калмыками, башкирами, яицкими и сибирскими казаками, находившимися в российском подданстве, и военной поддержкой в борьбе против Джунгарии и с этой целью неоднократно посылали из Степи в Казань и Тобольск для переговоров с местными губернаторами своих представителей. Все эти факторы существенно сказались на значительном росте в России в первой трети XVIII в. количества документов, посвященных Казахстану и казахам, которые стали более разнообразными, чем прежде, по своему видовому составу, исторической тематике, географии происхождения и именам авторов.

Российские дипломатические документы первой трети XVIII в. по взаимоотношениям с казахскими жузами и их ближайшими соседями представляют собой очень ценный в научно-практическом отношении комплекс культурно-исторических памятников. Они не только ярко характеризуют общее состояние этих контактов в предколониальную эпоху казахской истории, но и являются в известном смысле незаменимым источником для изучения разносторонних взаимосвязей казахов с джунгарами, волжскими калмыками, башкирами и особенностей внутривосточной ситуации в Казахской степи накануне ее вхождения в состав Российской империи, особенно если учесть при этом почти полное отсутствие информации такого рода во всех других группах письменных памятников вышеуказанного исторического периода.

Большинство ныне известных исторических документов о казахском народе и регионе первой трети XVIII в. сохранилось по известным причинам только в московских архивах (РГАДА, РГВИА, АВПРИ), и уже в советский период значительная часть из них была опубликована в разные годы в исторических журналах («Красный архив»), тематических документальных сборниках («Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.») и специальных научных изданиях (Журнал И. Унковского, журналы Флорио Беневени и проч.) России и Казахстана.

Другие оригинальные документальные материалы первой трети XVIII в. стали известны историкам сравнительно недавно и лишь теперь впервые публикуются в данном издании. При подготовке комплекса этих документов к печати составителями издания были внесены отдельные уточнения в даты некоторых из них и идентификацию авторства одного документа за 1718 г., ошибочно приписанного составителями «Казахско-русских отношений» хану Младшего жуза Абулхайру; а также приведены в соответствие с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990) написание упоминающихся здесь географических названий и собственных имен и пунктуация текстов источников, тогда как сама оригинальная стилистика этих материалов литературной обработке не подвергалась. Отточиями отмечены в томе имеющиеся в рукописных текстах документов пропуски отдельных слов или даже целых предложений; в случаях произведенных составителем издания купюрных изъятий тех текстовых фрагментов документа, которые не имеют прямого отношения к казахстанской теме, пропущенные строки и листы его также выделены отточиями, которые заключены в квадратные скобки.

Составление тома, транскрипция скорописи XVIII в., вступительная статья, научные комментарии к текстам публикуемых документов осуществлены ведущим научным сотрудником Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК к. и. н. И. В. Ерофеевой.

Специальная археографическая обработка, компьютерный набор текстов «Сибирских летописей» выполнены к. и. н. К. Ш. Алимгазиновым, Г. А. Омаровой, к. и. н. И. В. Ерофеевой и сотрудницей ОВА МОН РК к. и. н. К. А. Сакеновой. Набор текстов дипломатических документов, комментариев к ним и вступительной статьи сделан инженером А. Т. Ракишевой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Греков Б. Д. Культура Киевской Руси. М., 1944. С. 20.
2. Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1950. Ч. 1. С. 205–206, 353, 207–208.
3. Там же. С. 212.
4. Савельев П. С. Средняя Азия. Карманная книжка для любителей земледения. СПб., 1848. С. 262; Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. А.-А., 1966. С. 17.
5. Трепавлов В. В. Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы) / Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. С. 46.
6. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России (дооктябрьский период). Л., 1982. С. 25.
7. Плано-Карпини Дж. История монголов / Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 78.
8. Кононов А. Н. История изучения. С. 26.
9. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Петроград, 1915. С. 65, 291; Плигузов А. И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 39.
10. Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 41.
11. Трепавлов В. В. Восточные элементы. С. 46–51; Ерофеева И. В. Русская имперская идея в истории (к проблеме западно-восточного культурно-идеологического синтеза) / Россия и Восток. С. 269–276.
12. ПСРЛ. Т. 28. М.-Л., 1963. С. 141–142; Т. 7. СПб., 1856. С. 239; Т. 24. Петроград, 1922. С. 227–229.
13. Wolf I. Kniaziowie litewsko-rusky od konca czternastega wicki. Warszawa, 1895. S. 77–86; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 32–39, 131–135.
14. Лихачев П. П. Разрядные дьяки XVI в. и род Адашевых. СПб., 1888. С. 415–416; он же. Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900.
15. Белокуров С. А. О посольском приказе. М., 1906. С. 26, 60–63; Рогожин Н. М. Око всей великой России (об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв.). М., 1989. С. 32–33.
16. Косвен М. О. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII–XVII вв.) / Очерки по истории русской этнографии, фольклористике и антропологии. М., 1956. С. 44.
17. Рогожин Н. М. Око всей великой России. С. 33.
18. Там же. С. 24, 35.
19. Трепавлов В. В. Восточные элементы. С. 48.
20. Исин А. И. Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI в. / Вопросы историографии Казахстана в дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. А.-А., 1985. С. 41–47.

21. Савельев П. С. Средняя Азия. С. 267.
22. Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. С. 15.
23. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ. М., 1965; Косвен М. О. Материалы к истории ранней русской этнографии; Андреев А. И. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII—XVIII вв. / Проблемы источниковедения. М.-Л., 1940. Сб. 3. С. 85—126; Масанов Э. А. Очерк истории. С. 35—37 и другие.
24. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым. СПб., 1882.
25. Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии. С. 29.
26. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 12—15.
27. Бахрушин С. В. Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. М., 1955. С. 18—20, 26; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция. С. 15—17.
28. Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 17.
29. Там же. С. 17—20; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973. С. 36—50.
30. Пекарский П. П. История Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1870. С. 355; Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 20.
31. Бахрушин С. В. Вопрос. С. 20.
32. Там же. С. 20, 29—30 и др.; Ромодановская Е. К. Указ. соч. С. 51—65.
33. Там же. С. 20 и др.; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М.-Л., 1960. С. 207—217.
34. Освещение истории этой полемики см. в вышеуказанных трудах С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, Р. Г. Скрынникова, а также: Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960, статью В. И. Сергеева в «Советской исторической энциклопедии» (Т. 12. М., 1969. С. 823—824) и другие работы.
35. Бахрушин С. В. Вопрос. С. 32.
36. Там же. С. 33.
37. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция. С. 46—60.
38. Алексеев В. И. Рисунки «Истории Сибирской» С. У. Ремезова (Проблемы атрибуции) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 194; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция. С. 59—60.
39. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция. С. 60.
40. Андреев А. И. Очерки. С. 69—72, 160, 195—217.